

К 70-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича

Великий композитор и гуманист

В эти дни Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу исполнилось бы 70 лет. Трудно представить советскую музыку без него. Трудно, потому что Шостакович всегда был на переднем крае, всегда принимал горячее участие в решении самых животрепещущих задач, которые ставила перед советским искусством жизнь. И делал это не по обязанности, а по зову сердца. Найдены были художественные решения порой казались необычными, порой резко противоречили принятым нормам и взглядам. Не случайно поэтому многие его произведения вызвали страстные споры. Время в значительной степени сгладило их остроту. Сейчас вряд ли чего-то надо убеждать в непреходящей художественной ценности творений Шостаковича. Его музыка давно завоевала мировое признание, а сам композитор вошел в число корифеев музыкального искусства XX века.

О Шостаковиче уже существует огромная литература. И, тем не менее, трудно утверждать, что «главное» слово о нем сказано. Нужно, вероятно, время, чтобы по-настоящему понять и оценить, чем был Шостакович для советской музыки, для мирового музыкального искусства. Нужно также время, чтобы понять, чем был он и для армянской музыки. Заметки эти — всего лишь начало, эскиз большой темы, которую еще предстоит разработать армянскому музыковедению.

Многое связывало Шостаковича с Арменией: ее природа, культура, люди. Особенно полюбил Дмитрий Дмитриевич Дилижан. Когда здесь в 1963 году открылся Дом творчества Союза композиторов, он сразу изъявил желание приехать. Приезжал и потом — в 1964, 1965 и 1969 годах. Восхищался неповторимым силуэтом гор, буйством зелени и цветов. Как всегда, много работал. Именно в Дилижане создавались его Девятый и Десятый квартеты, музыка к «Гамлету». В свой последний приезд он работал над новой инструментальной Концертом для виолончели Шумана.

В дни юбилея Шостаковича в память о его пребывании в Дилижане на его любимом коттедже, где он неизменно останавливался, будет вывешена мемориальная доска. Она будет висеть рядом с другой мемориальной доской в честь его большого друга, нашего великого художника Мартirosа Сарьяна, который также любил здесь жить и работать.

Сравнительно частые приезды Шостаковича в Дилижан укрепили его дружеские связи с армянскими музыкантами, сделали их ближе, теплее.

В восприятии армянских слушателей и музыкантов личность Шостаковича и его творчество неотделимы от одного события, которое оставило в истории музыкальной жизни республики неизгладимый след. Речь об исполнении в Ереване его Седьмой («Ле-

нинградской») симфонии. После Куйбышева и Москвы Ереван был третьим городом, где прозвучало это знаменитое сочинение. Прозвучало в тяжелые июльские дни 1942 года, когда немцы рвались к Волге, развертывали наступление на Кавказ, когда вновь смертельная опасность нависла над нашей Родиной. В подобных условиях исполнение симфонии получило значение важнейшего общественно-политического акта. Был собран громадный оркестр из 110 человек. Уже за несколько дней до концерта пресса начала публиковать материалы о Шостаковиче и симфонии. Исключительность события подчеркивал и приезд в Ереван большой группы деятелей советской культуры. Среди них были Н. Мясковский, Ю. Шапорин, У. Гаджибеков, Д. Аракишвили, Г. Киладзе, Ш. Мшвельдзе, А. Гольденвейзер, К. Игумнов, В. Немирович-Данченко, В. Качалов, А. Хорава, А. Чинаурели. Симфония под управлением М. Тавризяна была исполнена на самом высоком уровне, для многих же из нас интерпретация Тавризяна и до сих пор остается образцовой и недостижимой.

Для целого поколения молодых армянских композиторов этот исторический концерт по существу стал первым серьезным знакомством с музыкой «вождя пламенного симфонизма» (Асафьев). Впечатление было ошеломляющим. Музыка Шостаковича раскрывала то, что жило в душе каждого советского человека, и раскрывала языком бесстрашной художественной правды.

Впоследствии, по мере все более полного и близкого знакомства с музыкой Шостаковича, его личностью, это впечатление углублялось и укреплялось. В Шостаковиче видели идеал современного композитора — гражданина, у которого музыка и жизнь слились воедино, составили нерасторжимое целое, глубина же познания жизни определялась острейшим чувством ответственности перед ней, перед настоящим и будущим. Вот такое понимание «доминанты» творчества Шостаковича, как мне кажется, в значительной степени стимулировало знаменательный поворот в армянской музыке к «концептуальному» драматическому симфонизму, который обусловил в 50—60-е годы появление целого ряда первоклассных сочинений в жанрах нашей симфонической и камерно-инструментальной музыки...

«Музыкант должен волноваться сам, если хочет волновать других, должен уметь входить во все чувства, которые хочет вызвать», — эти слова Филиппа Эммануила Баха запомнились по одной из статей Шостаковича. И они, как нельзя лучше, характеризуют его самого. Дмитрий Дмитриевич постоянно «волновался» и в искусстве, и в жизни. Его смертельным врагом было равнодушие. Несмотря на свою огромную занятость, он си-

стематически знакомился с новинками советской музыки, общался с многими композиторами. С исключительной заинтересованностью он относился и к развитию армянской советской музыки.

Это «пристрастное» отношение зародилось у Шостаковича, вероятно, в памятный вечер 1936 года, когда он в Ленинграде, слушая симфонический концерт под управлением Штидри, открыл для себя музыку Хачатуряна (исполнялась Первая симфония). С тех пор близкая дружба связывала этих двух выдающихся музыкантов в современности в течение более сорока лет. Она одарила их теплом, радостью, многими счастливыми мгновениями.

Шостакович горячо любил музыку Хачатуряна, не раз высказывался о его произведениях, считая, что «его творчество принадлежит к лучшим достижениям социалистического искусства».

Свое «пристрастное» отношение Шостакович перенес и на многих других армянских композиторов. В особенности это относилось к тому поколению, которое представляли А. Арутюнян, А. Бабаджанян, Э. Мирзоян, А. Худоян, Э. Оганесян, Д. Тер-Татевосян, К. Орбелян. Его непосредственными воспитанниками были композиторы Л. Сарьян и А. Мнацаканян.

Шостакович, как никто другой, умел радоваться и восхищаться успеху своих коллег. Он воспринимал этот успех как нечто очень важное, дорогое, поэтому спешил тут же, сейчас, сразу поделиться своей радостью, словно боясь, что — пройди время — она сможет потускнеть, потерять свою остроту. Так он горячо приветствовал на III-м Всесоюзном съезде композиторов (март 1962 г.) услышанную накануне Симфонию Э. Мирзояна: «До сих пор нахожусь под огромным впечат-

лением от Симфонии для струнного оркестра с лигатурой Э. Мирзояна. Это — большое достижение композитора, искусства Советской Армении, всей нашей музыкальной культуры!»

А вот еще пример, типичный для Шостаковича и поразительный по своей душевной отзывчивости. Находясь в больнице и услышав по радио Симфонетту А. Арутюняна, он тут же из больницы написал ему письмо, выразив свое восхищение по поводу нового сочинения композитора: «Ужасно мне понравилось это сочинение. Удивительно ясное, чистое. Замечательная тематика. Очень хорошо все звучит. Как будто бы и просто, а вместе с тем очень изобретательно, интересно. Я не умею в письменной форме (да и в устной, пожалуй), выразить свое восхищение. Одно могу сказать. Ваша Симфонетта мне очень и очень понравилась».

Из поля зрения Шостаковича не выпадали почти все более или менее значительные явления армянской музыкальной жизни. И как он находил время не только внимательно следить за ними, но и, когда что-то особенно привлекало, сразу же откликаться?! Он считал необходимым среди произведений молодых, которые его «особенно порадовали», отметить и «талантливую Симфонию ереванского композитора Э. Оганесяна». Мог, ставя важную теоретическую проблему, обратиться к музыке Д. Тер-Татевосяна.

И он же мог откликнуться специальной статьей на концерты симфонического оркестра Армфилярмонии, поделиться своими мыслями об астраданой музыке, особенно выделив «удачные образцы астраданого творчества С. Цинцадзе и К. Орбеляна».

Шостакович не раз высказывался об армянской музыке. И в печати, и в письмах, и в частных беседах с композиторами. Его замечания, всегда конкретные и точные, как правило, несли в себе «проблемное» начало.

Имя Шостаковича окружено в Армении огромной любовью. Его произведения постоянно исполнялись и исполняются лучшими коллективами и солистами республики. Совсем недавно первый концерт, которым открылся сезон, был посвящен памяти великого композитора и целиком состоял из его сочинений (Восьмая симфония, камерная симфонетта, хоры, прелюдия и фуга для фортепиано).

Шостакович вписал одну из самых светлых и прекрасных страниц в историю армянско-русских музыкальных связей, именно в наши дни получивших столь широкий размах.

Георгий ГЕОДАКЯН.

На снимке (справа налево): Д. Шостакович, Э. Мирзоян, Л. Сарьян на берегу Севана. Фото Г. Арменьяна.

